

Н.В. Демьяненко

ЛИБЕРАЛИЗМ Г. СПЕНСЕРА КАК ОСНОВА ПРАВОВОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВА: ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИСКУССИЯ В РОССИИ XIX СТОЛЕТИЯ

Анализируются результаты состоявшейся в России во второй половине XIX в. широкой дискуссии о социально-политической доктрине Г. Спенсера. Российские социологи, в числе которых Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров, Л.Е. Оболенский, и другие общественные деятели активно включились в обсуждение основных положений либеральной концепции Г. Спенсера. Проблема правового ограничения государства не только стала достоянием общественного мнения, но и была воспринята российской общественностью как жизненная задача власти и общества.

Герберт Спенсер являлся одним из самых авторитетных противников вмешательства государства в экономическую жизнь граждан. В нем можно было видеть сторонника уже давно отжившей свое время теории «laissez faire», когда-то господствовавшей вместе с классической школой политической экономии. Спенсер считался крайним индивидуалистом не только русскими учеными, но даже самими англичанами, многочисленными последователями принципа self help, самопомощи. Задача либерализма, по мнению знаменитого философа, всегда состояла, как состоит и теперь, в ограничении влияния правительства на экономическую жизнь населения и в ослаблении всякой власти вообще, будь это власть короля, парламента или городской администрации. Одновременно с этим, по его мнению, должна была расти свобода отдельной личности, не встречая в своей деятельности каких-либо преград, кроме тех, какие необходимы для существования общественного союза (Мижухев 1904: 99).

Указанные взгляды Спенсер подробно развил еще в 1884 г. в статьях, помещенных в журнале Contemporary Review. Эти статьи назывались «Новый вид торизма», «Грядущее рабство», «Грехи законодателей» и «Великий политический предрассудок». В первой из них Спенсер, разбирая законодательную деятельность в Англии с конца 1860-х гг., отказался признать лю-

дей этой партии за истинных либералов (вигов), ссылаясь на то, что они во многом расширили правительственную власть, и назвал их особого рода консерваторами (тори).

Консерваторами, по мнению Спенсера, следовало называть таких политических деятелей, которые стремятся стеснить сферу свободной деятельности отдельной личности, одновременно увеличивая функции государства; либералами следовало считать тех, кто, наоборот, желал ограничить деятельность государства, предоставив больше свободы личной инициативе граждан. Таким образом, с точки зрения «истинного либерала», Спенсер осуждал, например, фабричное законодательство и модное в то время законодательство о бедных. Между тем эти законодательства получили развитие в Англии и вызвали справедливое восхищение многих публицистов континентальной Европы того времени.

Упомянутые статьи из *Contemporary Review* Спенсер издал отдельной книгой под общим названием «Личность против государства» (*The Man versus the State*). Книга была переведена на французский язык (*L'Individu contre l'état* 1885) и на большинство других европейских языков. На русский язык сначала была переведена только одна из этих статей, «Грядущее рабство», изданная отдельной брошюрой в 1885 г., а позднее, в 1908 г. была переведена и опубликована уже вся книга. Естественно, такая задержка была обусловлена деятельностью цензуры, которая установила множество ограничений и на другие спенсеровские издания.

Все консервативные элементы европейских наций были очень рады так неожиданно для себя встретить в знаменитом авторе «Синтетической философии» авторитетного союзника, резко осуждающего всякие стремления правительственных властей вмешаться в общественную жизнь. Свои взгляды Спенсер выводил из принципа неприкосновенности личной свободы, из святости свободного договора между отдельными личностями, во взаимные отношения которых не должны, по его мнению, вмешиваться посторонние лица, даже если эти лица являлись представителями исполнительной власти. «Освобождение личности», — говорил Спенсер, — «вот что всегда было истинной задачей либеральной партии; таково было общее направление партии перед английской революцией при Карле II, таково же оно было в первой половине этого столетия, когда всех либералов соединяло общее желание отмены хлебных законов, являвшихся вредным вмешательством правительства в экономическую жизнь народа и представлявших выгоду лишь для одного немногочисленного класса землевладельцев» (Спенсер 1908: 7).

Проблема государства и личности всегда была наиболее острой темой обсуждения среди отечественных исследователей. И философы (Н. Михайловский, П. Лавров), и социологи (Н. Кареев, М. Ковалевский, К. Тахтарев), и юристы (С. Гальперин), а также писатели (Л. Толстой) и многие политические деятели (П. Милуков, П. Лилиенфельд, В. Ленин) так или иначе рассматривали эту сложную проблему, в которую кроме указанного соотношения также входили вопросы об историческом значении правительственного института, о его дальнейшей судьбе в общественной эволюции и множество других политических и общественных вопросов.

Спенсер данную проблему рассматривал в контексте своей социологической системы. Он изучал государство не только с философской, но и с чисто научно-социологической точки зрения, выделял его как определенный общественный институт. В этом отношении его теорию критиковали в основном с этой стороны: государство-организм, функционирование и эволюция этого организма. Множество вопросов стало объектом критики, конечно, если государство — огромный сверхорганизм, то его развитие со временем привело бы к сильнейшей централизации, а не к росту индивидуальной свободы. Эволюция государства по пути увеличения социальной дифференциации и увеличения объема государства не всегда вызывает прогресс.

Михайловский рассматривал спенсеровскую социальную дифференциацию, считая полную дифференциацию частей общества не развитием целого, а его разложением. Он указывал на тот факт, что Спенсер при отделении перехода от однородного к разнородному ни разу не остановился над значением подобного перехода для выработки понятий полезного, приятного, нравственного. «Общество, по Спенсеру, развивается как организм, но на конкретную личность Спенсер не обращает должного внимания, нечего и говорить, что она регрессирует» (Михайловский 1869: 44).

Один из неизвестных критиков Спенсера обвинил его в неправильном понимании организма и его развития. Он видел интеграцию и дифференциацию как второстепенный признак прогресса, а высший же закон прогресса — это потребности тех элементарных индивидуумов, которые составляют как животный, так и общественный организм. Развитие организма происходит без войн, так как с развитием индивидуумов изменяется и само его строение (Свет 1878: 426). Усложнение общества Спенсер определял как положительное явление. По мнению П. Лаврова, это не так — «Если Спенсер процесс дифференциации назвал прогрессом, то только потому, что заметил предварительное совпадение с этим процессом того развития, которое ему кажется наилучшим, но если бы этот процесс привел к тому, что каждый человек стал бы говорить на собственном языке, то сам Спенсер не назвал бы такое явление прогрессом» (Спенсер 1882: 13).

С мнением П. Лаврова и оценкой Г. Спенсера можно соглашаться или нет, но тем не менее этот процесс идет, причем независимо от воли и сознания людей. П. Лавров не говорил о том, насколько реально увеличение дифференциации в обществе, а рассматривал лишь оценку Спенсером подобного явления.

Л. Оболенский предполагал, что Спенсер, ставя развитие личности целью общественного процесса, саму личность оставлял почти бездеятельной. Противоречие Спенсера заключалось в том, что совершенство личности, а с ней и совершенство общественных отношений, должно стать результатом почти механического приспособления. Он указывал на значительное упущение Спенсера в его формуле развития: «Отдельные общества только в начале жизни переживают периоды бессознательной эволюции, после которых следуют периоды сознательного самовоспитания и развития» (Оболенский 1892: 15).

Однако самое главное и интересное — это прогнозирующая сторона политической социологии Спенсера. Речь идет о «Заключении» в «Основаниях социологии» (1876. Т. 2) и главе «От свободы к рабству» в работе «Личность и государство» (1884) (1876. Т. 1 и Т. 2). В этом он особенно может быть интересен сейчас. Почти за пятьдесят лет до установления в нашей стране большевистского режима он в подробностях описал его возможную структуру и показал, к чему может привести политика всеобщего экономического уравнивания. Фактически это было описание тоталитарного режима правления.

Для российских исследователей данные взгляды Спенсера наиболее важны, поскольку то, от чего он предостерегал, свершилось в нашей стране! Тот «казарменный» социализм, которого он боялся, установился у нас и начал развиваться по спенсеровскому сценарию

Откликов на политическую социологию Спенсера было предостаточно. В своих критических работах этой проблематики так или иначе коснулись многие ведущие ученые и исследователи: М.М. Ковалевский, специалисты по вопросам истории этики и морали Д.П. Львов и С. Соколова, правоведы С.И. Гальперин и Б. Ленский и многие другие. Не обошли его вниманием и наши теологи (Г.Н. Корсун и др.). Ковалевский, Львов, Соколова, Гальперин посвятили творчеству Спенсера объемные монографии. Ковалевский опубликовал свою «Социологию» в 1910 г., Львов написал свой труд в 1890 г., Соколова — в 1905, Гальперин — в 1900 г. Корсун и Ленский ограничились объемными статьями в 1878 и 1911 гг. Наиболее подробный разбор учения о «Государстве» Спенсера дали В. Яроцкий (1885), Л.Е. Оболенский (1892) и М. Ковалевский (1910).

Довольно часто критические работы отечественных социологов возникли сразу же вслед за появлением спенсеровских произведений в печати. Например, статья В. Яроцкого «Отношение личности и государства с точки зрения Спенсера» появилась в «Северном Вестнике» в 1885 г., т. е. всего лишь через год после публикации работы «Личность и государство» в Англии. Оболенский напечатал статью «Новое сочинение Г. Спенсера» (критика «Справедливости») в 1892 г., тогда как Спенсер в этом же году закончил публикацию своих «Оснований этики».

Чтобы дать точную оценку российской критике, необходимо ясное понимание спенсеровских идей в данной области. Поэтому, переходя к изучению отечественной критической литературы, следует обратить внимание на содержание идей Спенсера, в частности, на те положения, которые он выставил относительно противостояния личности и государства, индивида и правительства, управляемых и управляющих, свободы и зависимости.

Спенсер был крайним защитником прав личности и индивидуалистом в политике, его не без основания называли «утопистом индивидуалистической идеи». Любое принуждение, по Спенсеру, — зло, откуда бы оно ни исходило, в том числе и от государства. Такой непримиримый индивидуализм выработался у него постепенно. В молодости во время написания «Социальной статики» он был сторонником такой неиндивидуалистической идеи, как национализация земли, позднее он сделался врагом всяких коллекти-

вистских доктрин. В системе государственной опеки и в одном из его вариантов — социализме он рассматривал только порабощение личности.

Между тем в английском обществе конца XIX в. усилилось влияние социалистов, против которого выступал Спенсер. Социалистическое устройство, по его мнению, предполагало сильнейшую централизацию, иерархию статусов, приводило к уменьшению индивидуальной свободы. «Грядущее рабство» — вот понятие, которое Спенсер связывал с быстрым проникновением идеи государственного социализма в законодательство передовых народов Европы. Социалистическая система предполагала только государственным путем решать все возникающие в обществе социальные противоречия и проблемы, а как раз этого больше всего боялся Спенсер! Как и российские ученые, свою органическую теорию общества он связывал с политической структурой государства. Социальная дифференциация приводила к уменьшению влияния государства на общественную жизнь. В середине XIX в. в России, во Франции и Германии, а также и в самой Великобритании активно распространяющийся социализм шел вопреки развитию общества. Он нарушал два важных принципа, лежащих в основе общественного развития, а именно: в течение периода незрелости получаемые блага должны быть обратно пропорциональны заслугам, в период же зрелой жизни выгода должна быть прямо пропорциональна заслуге. Спенсер указал и выдвинул этот общий закон жизни видов в одном из первых отделов «Оснований социологии» 1876 г., в главе «Домашние отношения».

Для общества, как и для животного вида, выживание зависит от правильного согласования с этими двумя противоположными принципами. Если внести в семью закон, имеющий силу только для общества, и заставить детей с младенческого возраста получать все необходимое для жизни в строгой пропорции с тем трудом, который затрачен ими на приобретение всего этого, то общество исчезнет из-за вымирания всех его молодых представителей. Если же в обществе применить закон, касающийся только семьи, где получение средств к жизни обратно пропорционально затрачиваемому труду, то общество придет в упадок, из-за умножения в нем наименее достойных членов и исчезновения наиболее достойных» (Спенсер 1898: 691).

Доктрины коллективистов, социалистов и коммунистов не признавали этого различия между этикой семейной жизни и этикой жизни вне семьи. Они предлагали распространять семейный режим на всю общину.

Социалисты перепутали два принципа: современная общественная дифференциация приводит к разведению и обострению этих принципов, что в свою очередь вызывает дальнейшее развитие общества. При сохранении подобных отношений общество становится высоко конкурентным с другими обществами. Это один из основных принципов спенсеровского либерализма: следовать собственным интересам, прислушиваться к чувствам, в результате чего должна усилиться специализация профессий и повыситься уровень свобод.

Подчинение индивида группе всегда пропорционально степени антагонизма между этой группой и другими группами. Будь то семья, группа родствен-

ников, клан или нация, везде необходимость действовать соединенными усилиями против враждебных семей, кланов, наций и т. д. требуется, чтобы жизнь индивида поглощалась жизнью группы. Вот почему социалистическая теория и практика, нормальные при воинствующем типе общества, перестают быть нормальными как только общество приближается к промышленному типу.

Разумеется, социалисты не желали предвидеть таких результатов. Сколько бы ни было примеров вроде приведенных выше, они не убеждали их, что различные формы организации общества определяются свойствами человеческой природы, и только улучшив эту природу, можно улучшить формы. Они искренне надеялись, что эгоистов можно заставить поступать неэгоистично, и людей, лишенных честности, — действовать честно, и верили в социальную алхимию, которая из низких инстинктов должна извлечь благородные поступки (Спенсер 1898: 696).

Как раз всю свою жизнь Спенсер, как истинный либерал, старался показать вред от вмешательства государства в общественную жизнь на примере деятельности коммунистических общин в Югославии.

От самых низших до самых высших форм жизни природа держится одной и той же системы, она вверяет детей заботам взрослых, которые произвели их на свет. Вначале эти заботы проявляются слабо, не бьют в глаза; но постепенно, по мере приближения к высшим типам живых существ, чувства родителей к детям становятся глубже, сильнее, родители все более и более предаются воспитанию своего потомства. Однако социалисты добиваются другого: как они желают уничтожить естественное отношение между заслугой и вознаграждением, точно так же они готовы уничтожить естественное соотношение между инстинктивным образом действий родителей и благосостоянием их потомства. Два великих закона, столь важные, что при отсутствии какого-либо из них органическая эволюция становится невозможной, — оба отменяются (Спенсер 1898: 696).

Почему отечественные социологи проигнорировали такие эмоциональные, но тем не менее точные замечания Спенсера об огромном объеме и разнообразии социологических фактов, несовершенстве человеческой природы, которая не в состоянии охватить все многообразие социальных явлений?

Сущность экономических отношений рассматривалась Г. Спенсером как ряд добровольных соединений, которым человечество обязано всеми современными благами культуры. В. Яроцкий сразу же обратил внимание на то, что это положение совершенно не доказано, и в этом он был прав.

Действительно, масса общественных потребностей удовлетворяется принудительным путем. «Видеть в государстве только кооперацию, в которой меньшинство добровольно подчинялось бы большинству или наоборот, нет никаких оснований. Наоборот, государство всегда покоилось на силе не большинства, а правящего меньшинства. Только постепенно грубая сила сменяется более легкими формами принуждения, но которое все-таки лежит в основе государственного строя» (Яроцкий 1885: 49). В данном случае В. Яроцкий частично повторил Г. Спенсера, только тот признавал, что принуждение должно исчезнуть совсем, тогда как В. Яроцкий утверждал, что значение

принуждения будет играть большую роль как средство побудить массы делать принудительно то, что потом делается уже как бы добровольно.

Нерасположение Г. Спенсера к полновластному государству препятствовало его сочувственному отношению к социализму. Прежде всего он видел в нем учение, согласно которому государству призвано регулировать производство. Желая доказать неосновательность такого требования, он приводил в работе «Личность и государство» ряд исторических свидетельств, показывающих, что всякий раз, когда правительство принимало на себя выполнение подобной задачи, оно пользовалось своей силой в интересах господствующих классов, выразителем которых оно и было на деле. Спенсер был непримиримым противником социализма, он отрицал его как с точки зрения справедливости, так и с точки зрения пользы. В работе «От свободы к рабству» (1891 г.) он писал, что «ничто, кроме медленного совершенствования человеческой природы посредством организации социальной жизни, не может произвести благоприятной перемены. Отрицание социализма основывается на убеждении, что социализм остановит развитие высокоразвитого государства и повернет вспять развитие менее развитого» (Спенсер 1908: 21). «Грядущее рабство» есть не что иное, как тот порядок «правительственной опеки», которым грозит нам постоянно растущее всемогущество и вмешательство государства.

Г. Спенсер окончательно установил свою социальную доктрину в знаменитых «Принципах этики», особенно во второй части, носящей название «Справедливость» и вышедшей в 1890 г. Изучая это сочинение, можно обнаружить те же взгляды, какие им были высказаны ранее в «Социальной статике», произведении его молодости. Здесь снова четко выделяется систематическая защита основных положений английского радикализма, стройное развитие доктрины, которая кладет в основу всего общественного и государственного уклада начала свободы и равенства.

Несмотря на весомые аргументы Г. Спенсера, многие российские социологи выступили с резкой критикой принципов индивидуализма. Л. Оболенский, критикуя «Справедливость» Спенсера, отметил, что теория «laissez faire» на практике доказала свою несостоятельность, отдав миллионы европейского пролетариата в рабство капиталу. «Но Г. Спенсер не хотел признать это, писал он, говоря, что по мере усовершенствования вещей все громче становятся крики об их недостатках» (Оболенский 1892: 4).

С. Гальперин определил, что громко проповедуемый принцип «laissez faire» с его крайним индивидуализмом граничит с практической анархией. Поэтому со стороны общества потребуются титанические усилия для борьбы с таким глубоко вкоренившимся предрассудком (Гальперин 1900: 119).

Кареев заметил ошибку иного рода. Если в организме существует физическая связь между клетками, а в обществе между индивидами существует психическая связь, то за объяснением общественных явлений следует обращаться к психическим факторам человеческой жизни. Однако Спенсер отвернулся от этого (Кареев 1897: 60).

Л. Оболенский, так же как и предыдущие авторы, не принимал анало-

гию общества и организма, считая ее крайне неудачной. Причину ошибок он видел в отрицании Спенсером автономии клеток. Таким образом, если Кареев полагал, что Спенсер отвел личности ничтожную роль в истории и полностью подчинил ее стихийным силам природы, то Оболенский обвинял Спенсера в признании им полного подчинения клеток целому организму, тогда как, по его утверждению, клетки в биологическом организме имеют свою индивидуальность и проявляют ее в борьбе с целым организмом (Оболенский 1879: 121).

Спенсер выделил два класса явлений, с которыми можно сравнивать общественные явления, — органический и механический. Он определил, что общества не похожи на механический класс, свойства общества представляют сходство со свойствами органического класса.

По Карееву, такая аргументация неверна. У общества, конечно, больше сходства с организмом, чем с механизмом, но в нем есть нечто несходное ни с тем, ни с другим. «Целое, состоящее из живых частей, не может быть похоже на безжизненное целое. Вот почему Спенсер отождествлял общество с организмом. Но целое, состоящее из сознательных частей, не может быть похоже, по своим общим отличиям, на целое, состоящее из бессознательных частей. Таким образом, Спенсер видел в обществе только органическое развитие, то есть не над-органическое, а над-механическое» (Кареев 1883: 101). Гальперин считал, что Спенсер не уделил достаточного внимания этому противоречию. Расстаться с аналогией не допускает накопленный агломерат фактов из области биологических наук, а также нравственный элемент — идея индивидуализма и невмешательства государства в общественные процессы (Гальперин 1900: 89). Это положение, по мнению Ленского, как раз и составляло противоречие всей социологической системы Спенсера. Спенсеровская правильность строения организма и его элементарная цель не имеют ничего общего между собой. По Спенсеру, нормальным можно считать такой организм, который приспособлен к гибели (Ленский 1878: 14).

Общественный организм, по Спенсеру, развивается по тем же объективным законам, что растительный и животный организмы. Развитие происходит почти стихийно, спонтанно, без сознательной роли личности. Это естественно: если общество есть организм, общество должно развиваться как организм, т. е. медленно, постепенно, путем превращений, постоянно усложняясь в строении и функциях.

Спенсер, будучи большим поклонником теории эволюционизма, попытался почерпнуть новые аргументы из нее. Любое расширение функций государства противоречит всеобщему закону эволюции, который требует возрастающей дифференциации и является в глазах Спенсера понятным движением. Одновременно оно заключает в себе посягательство на индивидуальную свободу. Глубоко преданный английским политическим учреждениям, он не примыкал ни к либералам, ни к консерваторам, вырабатывая по текущим вопросам политики свой собственный взгляд. Так было с англо-бурской войной, когда 80-летний старик не побоялся кинуть милитаристскому общественному мнению свое умное и трезвое пацифистское слово.

М. Ковалевский позволил себе не согласиться именно с социологической частью теории Спенсера. По его мнению, существовало много фактов, говорящих о прогрессивном сосредоточении в руках правительства самых разнообразных функций (Ковалевский 1910: 215).

В итоге, критика свелась к положению, что Спенсер в своей теории эволюции государства, как и в органицизме, а впоследствии и в этике, отвел личности ничтожную роль в политической жизни. Подобные идеи всколыхнули российскую общественность. В нашей стране в противовес Спенсеру стала активно распространяться иная идея — о возможности полного изменения государственного строя за счет деятельности активных людей. Как невозможно полное вырождение государственного политического строя — он всегда останется необходимым, — так же невозможно хоть какое-либо его минимальное изменение без активного участия людей. Но эти здравые идеи были искалечены в ходе революции и гражданской войны. Под идеологические разговоры об «отмирании государства» большевики сколотили грубо репрессивный аппарат управления страной, подавлявший многие права личности, и мрачный прогноз Спенсера, к сожалению, оправдался.

Социалисты хотели восстановить общественный строй, при котором управляли бы не отдельные личности, а община, где личность не принадлежала бы себе и не имела бы права извлекать выгоду из своих способностей; она принадлежала бы государству, которое должно было ее содержать, но зато и руководить ею, что в свою очередь потребовало бы обширной и сложной администрации, в которой управляющие малыми группами оказались бы в подчинении управляющим большими группами, те в свою очередь были бы подчинены другим, и так далее до центральной власти, координирующей многообразные виды деятельности. Само собой разумеется, работа членов административной организации должна соответственно оплачиваться налогоплательщиками (Спенсер 1898: 694).

Подобный социальный строй вполне соответствовал бы устройству армии. Это просто гражданская регламентация, параллельная регламентации военной и устанавливающая в сфере промышленности такую же субординацию, как в армии. Но, переходя от рабочих, управляемых бюрократией, к самой бюрократии, на вопрос: каким образом регулировалась бы деятельность этой бюрократии, никто не давал удовлетворительного ответа. Владея, по доверию от общины, всей землей, капиталом, средствами передвижения и путями сообщения, а также имея в своем распоряжении все военные силы и полицию, это всемогущее, правильно организованное чиновничество, состоящее из людей, по большей части отличающихся таким же агрессивным эгоизмом, как и рабочие, но не подчиненных, как они, контролю высшей власти, обязательно начало бы извлекать выгоды из своего положения за счет управляемых.

Развитие человеческой индивидуальности, как считал Михайловский, — цель прогрессивного исторического процесса, который может быть рассмотрен как последовательное и постепенное воплощение принципа самореализации личности. Только уважение к человеческой уникальности и неповторимости может гарантировать справедливый общественный порядок,

не человек должен государству и обществу, а они ему. Поэтому, здесь Н. Михайловский особенно подчеркнул, личность никогда не должна быть принесена в жертву, она свята и неприкосновенна (Михайловский 1877: 419).

Общественные цели, не раз подчеркивал П. Лавров, могут быть достигнуты исключительно в личностях. Истинная общественная теория, по его мнению, требует не подчинения общественного элемента личному и не поглощения личности обществом, а слияния общественных и частных интересов (Лавров 1868: 305).

Вера в строгую законосообразность общественного развития вызывала, как известно, упрек всей эволюционной теории в исключении активного значения за личной инициативой и вообще за индивидуальной деятельностью граждан, поскольку по этой теории прогресс развития как бы должен был наступить, невзирая ни на какие содействующие или противодействующие этому усилия отдельных граждан. Против упрека в таком деморализующем фанатизме Г. Спенсер защищал свое эволюционное учение в письме, poslanном на конгресс эволюционистов, который состоялся в Чикаго в 1893 г. Мысли и действия отдельных лиц являются существенными факторами, которые возникают в самом ходе развития и способствуют его дальнейшему ходу. Они не могут быть оставлены без внимания. Мысли и действия отдельных лиц должны быть оценены в отдельности, как составные части той сложной силы, которая производит перемену (Спенсер 1899: 131).

Что же такое общество на самом деле, на мой взгляд, он сам до конца не осознал, тем не менее органическая аналогия до сих пор в большей степени соответствует общественной структуре, с ее помощью Спенсер осуществил наиболее точные социальные прогнозы. Он показал вероятное развитие человеческих обществ, сопоставляя их с развитием высших биологических видов на нашей планете.

Социальная эволюция в будущем, как и в прошлом, вырабатывая шаг за шагом высшие общественные формы, непременно будет оставлять нетронутыми многие низшие. Разновидности людей, которые приспособились, в одном месте к суровому климату, в другом — к местам, недоступным извне и непригодным для жизни небольших групп, будут и дальше соединяться в небольшие общины с простой организацией. Кроме того, в будущем, в то время как высшие расы, соперничая между собой, займут все обширные пространства, заманчивые в климатическом и территориальном отношении, в наименее привлекательных районах сохранятся небольшие народы менее высокого типа» (Спенсер 1898: 707).

В целом отечественные социологи одни из первых в мире обратили свой научный интерес на работы Г. Спенсера. Н. Михайловский под влиянием спенсеровских идей развил собственные уникальные мысли о прогрессе и регрессе общества, о значении конкуренции, значении и особенности личности в истории. Н. Кареев проявил себя как крупный социолог-систематизатор. Л. Оболенский, который один из немногих социологов в нашей стране осуществил подробную качественную критику социологии Г. Спенсера и показал ее положительные и отрицательные черты, особо выделил

предположенный Спенсером объективный метод исследования и значение государства в процессе развития общества. Социология Г. Спенсера как через фильтр проникла в отечественную литературу через критические работы отечественных социологов. Идеи Г. Спенсера о значении государства в процессе социального развития на российской почве приобрели свою противоположность, обнажив тем самым уникальность отечественной социологической мысли.

Литература

Гальперин С.И. Органическая теория строения и развития общества. Екатеринбург: Тип. Л.М. Ротенберга, 1900. 134 с.

Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. 418 с.

Кареев Н.И. Основные вопросы философии и истории. Т. 2. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К., 1883. 400 с.

Ковалевский М.М. Социология. Т. I. Пт.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 300 с.

Лавров П.Л. Задачи позитивизма // Современное обозрение. № 5. СПб.: Тип. Н. Неклюдова, 1868.

Ленский Б. Последнее слово буржуазной философии // Слово. № 9–12. СПб.: Тип. В. Демакова, 1878.

«Последнее слово буржуазной философии» Б. Ленского // Свет. № 11, 12. СПб.: Рус. скоропечатня (П.С. Нахимова), 1878.

Мижув П.Г. Социологические этюды. СПб., 1904. 343 с.

Михайловский Н.К. Что такое прогресс? // Отечественные записки. № 9. СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1869.

Михайловский Н.К. Записки профана // Отечественные записки. № 1. СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1877.

Оболенский Л.Е. Новое сочинение Г. Спенсера // Русская мысль. № 3. М.: Тип. лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1892.

Л...ский (Л.Е. Оболенский) Организм и органическая теория // Свет. № 1–3. СПб.: Рус. скоропеч. П.С. Нахимова, 1879. 336 с.

Спенсер Г. Личность и государство. СПб., 1885.

Спенсер Г. Развитие политических учреждений. СПб.: Мысль, 1882. 330 с.

Спенсер Г. Основания социологии. Т. 2. СПб.: Издатель, 1898.

Спенсер Г. Изучение социологии: Воспитание умственное, нравственное и физическое. СПб.: Издатель, 1899. 254 с.

Яроцкий В. Отношение личности и государства с точки зрения Спенсера // Северный вестник. № 3. СПб.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1885.